

Scan by Ustas; OCR&Readcheck by Zavalery <http://www.pocketlib.ru>

"Пембертон М. Морские волки. Бриллиантовый корабль": Издательство: Барбис Л. Р. Б.; Вильнюс; 1993

ISBN 9986-441-01-3

I

Предисловие Тимофея Мак-Шануса, журналиста

Мой друг, доктор Фабос, познакомился с мисс Фордиграс на великосветском базаре, устроенном по случаю празднества в Кенсингтонском Тоун-Холле. Я прекрасно помню, что в тот вечер он хотел развлекать почтенную компанию из Гольдсмит-Клуба за свой счет.

- Мак-Шанус, - сказал он, - никто, кроме тебя, не сумеет заказать прекрасный ужин. Отправляйся на маскарад, и я приеду туда же. Не жалею денег, Мак-Шанус. Твои друзья - мои друзья. Я желал бы сохранить воспоминание об этом вечере... последнем в Лондоне до моего отъезда.

Нас было семеро, обедавших за его счет в Гольдсмит-Клубе, и все мы сели в один и тот же омнибус. Да будет вам известно, что вы не найдете ни одного человека, который не отдал бы справедливости замечательному гостеприимству Фабоса. Ночь была ясная и небо усеяно мерцающими звездами.

- Мы, что ли, платим за омнибус? - спросил мой друг Киллок, актер.

- Не оскорбляй в этот вечер самое великодушное сердце во всей Великобритании! - сказал я.

- И прекрасно, - сказал он, - человеку, который не платит, незачем заботиться о сдаче, - и с этими словами он вошел в Тоун-Холл.

Наша компания выглядела весьма колоритно. Мой старый товарищ Барри Хиншоу явился в бархатной охотничьей куртке и красном галстуке, что не очень пришлось по вкусу служащим театральной конторы. Сам Киллок, любимец дам, явился в жилете, так густо усеянном бриллиантами, что их хватило бы на целую брошь-хризантему. Все мы семеро, точно солдаты, выстроились у буфета, повернувшись спиной к танцевальному залу.

- Самое настоящее время для виски с содовой, - сказал Барри Хиншоу, знаменитый трагик.

- Стыдись, - сказал я ему, - не прошло и получаса с тех пор, как ты пил яд, известный под названием "кюммеля". Остерегайся напитков, Барри!

- О! - сказал он. - Ты, я полагаю, из одного места приехал со мной? - И затем прибавил: - Будь Фабос настоящий джентльмен, он присоединился бы к нашей компании и заплатил за нее. Самое ужасное на всех этих базарах заключается в том, что ты всегда потеряешь из виду человека с деньгами.

Я пропустил мимо ушей это дерзкое замечание, и мы занялись буфетом. Великосветский базар, как они его называли, был в полном разгаре. Красавицы, одетые пастушками, приняли было меня и друзей моих за овец, которых можно постричь, но величественные манеры наши и два шиллинга и десять пенсов в кошельке уменьшили их рвение, и они сделали поворот направо. Базар этот был устроен для моряков из Портсмута. Стоило купить пучок незабудок за десять шиллингов у девушки с голубыми глазами и пунцовыми губками, и вы могли вальсировать с этой же самой маленькой волшебницей по пять шиллингов за раз. Мой друг Барри сильно побледнел, когда услышал это от меня.

- Уж будто ты не умеешь вертеться на носках? - спросил я.

- Друг, - ответил он, - это несравненно хуже, чем переплыть Ла-Манш.

- А Фабос танцует, - сказал я, указывая на последнего, - и будет танцевать, пока не взойдет солнце.

А танцевал он на этом базаре в Кенсингтоне с миниатюрной девушкой в красном. Я уверен, что его шесть футов один дюйм уменьшились до пяти футов с двумя третями, - так низко приходилось ему наклоняться, чтобы нашептывать ей нежные слова всякий раз, когда он платил пять шиллингов за вальс, как это было сказано в программе. А обыкновенно он такой молчаливый человек! Его даже в клубе ничем, бывало, не расшевелить и ничего не добиться от него, кроме молчаливой улыбки. Каких только определений не давали этому Ину Фабосу! Одни говорили, что он циник. Некоторые упоминали о его